

Соррентино пристально вглядывается в молодость —
самую наглую, природную, неоспоримую ипостась
правлящей миром великой красоты.

АНТОН ДОЛИН

ПАОЛО СОРРЕНТИНО

МОЛОДОСТЬ

CoRpus

18+

Паоло Соррентино

Молодость

«Corpus (ACT)»

2015

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

Соррентино П.

Молодость / П. Соррентино — «Corpus (АСТ)», 2015

ISBN 978-5-17-092052-5

На швейцарском курорте у подножия Альп, окруженные тишиной, красотой и роскошью, отдыхают двое престарелых друзей. Англичанин Фред Баллинджер, знаменитый композитор и дирижер, выдерживает дипломатическую осаду королевского посланника, упорно отказываясь выступить на концерте по личной просьбе Елизаветы II. Американский режиссер Мик Бойл никак не доведет до ума постановку своего последнего фильма-завещания, над которым он работает с командой молодых коллег. Друзья размышляют о прошлом и будущем, внимательно наблюдают за собственными детьми и другими постояльцами отеля. Под фасадом инертного благолепия кипят страсти, разыгрываются драмы – жизнь не позволяет пассивного участия и, невзирая на почтенные годы, затягивает созерцателей в свой жестокий и прекрасный водоворот. Роман-сценарий “Молодость” лег в основу одноименного фильма Паоло Соррентино, впервые показанного на Каннском фестивале 2015 года. Главные роли блистательно исполнили Майкл Кейн и Харви Кейтель.

УДК 821.131.1-31

ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-17-092052-5

© Соррентино П., 2015

© Corpus (АСТ), 2015

Содержание

Паоло Соррентино	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	13
Глава 6	14
Глава 7	15
Глава 8	17
Глава 9	18
Глава 10	19
Глава 11	21
Глава 12	23
Глава 13	25
Глава 14	26
Глава 15	27
Глава 16	28
Глава 17	29
Глава 18	30
Глава 19	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Паоло Соррентино

Молодость

Paolo Sorrentino

La giovinezza

© 2015 RCS Libri S.p.A., Milano

© А. Ямпольская, перевод на русский язык, 2015

© А. Долин, послесловие, 2015

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015

© ООО “Издательство АСТ”, 2015

Издательство CORPUS ®

* * *

Паоло Соррентино Молодость

Глава 1

Ясное весеннее солнце освещает определенно британскую физиономию. Бледная кожа с краснотой, короткие светлые волосы, рубашка, галстук, на вид лет пятьдесят. Лицо очень умное. И убедительное. Мужчина сидит нога на ногу в прелестном парке отеля.

За его спиной, чуть поодаль, двое помощников помоложе.

Еще дальше – красивый бассейн.купающихся мало, сонная, отпускная атмосфера, какая бывает ранним утром. Все закутаны в одинаковые мягкие белые халаты.

Девственно чистый луг покрыт брызгами воды гидромассажных ванн.

В глубине – чудесный альпийский отель. Одновременно уютный, сонный и шикарный.

Здание отеля обрамляют царственные Альпы. Мужчина достает пачку сигарет и уже собирается закурить, как его останавливает спокойный голос без тени упрека:

– Здесь не курят.

– Даже на улице?

– Даже в помещении.

Спокойный голос принадлежит сидящему напротив мужчине. Англичанин, лет восьмидесяти, в мягком бежевом непарном костюме, внушительные очки, черная оправа, за очками спрятались светлые, водянистые глаза, печальный пронизывающий взгляд. Это Фред Баллинджер.

Их разделяет столик. Перед Фредом – раскрытая газета. Он спокоен, умиротворен, невозмутим, в глазах то и дело сквозит разочарование. Он разворачивает конфету и засовывает ее в рот привычным жестом, как человек, который часто ест конфеты.

– Мистер Баллинджер, можно мне называть вас “маэстро”?

Фред Баллинджер пожимает плечами. Ему все равно.

– Как отдыхается?

– Спасибо, прекрасно.

– Давно сюда приезжаете?

– Больше двадцати лет. Раньше приезжал с женой. Теперь один, у меня здесь много друзей.

– Почему Швейцария?

– Близко к Италии. А я после Лондона и Нью-Йорка четверть века руководил Венецианским оркестром.

– Точно, как же я мог забыть! Наверное, здесь можно полностью расслабиться.

– Здесь только это и можно сделать.

Мужчина расплывается в улыбке. Фред – нет.

– Маэстро, вы еще дирижируете или сочиняете музыку?

– Нет. Я на пенсии.

– Разумеется, я, как и все, ваш большой поклонник.

– Спасибо!

Англичанин улыбается:

– Маэстро, как я вам говорил, я работаю на Букингемский дворец, организую особые мероприятия.

Фред слегка оживляется:

- Вы работаете на королеву?
- Практически да!
- Прекрасно. Монархия всегда вызывает нежность. Его собеседник удивлен:
- Извините за нескромный вопрос, почему монархия вызывает нежность?
- Потому что она уязвима. Уберешь одного человека – и сразу изменится целый мир.

Это как брак.

- Королева почтет за честь, если вы согласитесь принять в июне рыцарский титул.

Фред Баллинджер едва заметно усмехается:

- Знаете, что сказал Сати, когда его собрались наградить орденом Почетного легиона?

Он сказал: “Отказаться от ордена – полдела, главное – не заслужить его”. Но я не Сати. Извините, у меня дурная привычка сыпать цитатами.

- Ее величество будет счастлива узнать, что вы согласились.

– Ее величество никогда не бывает счастлива. Несколько обескураженный, посланник королевы делает вид, что не расслышал, и продолжает:

– Кроме того, церемония награждения пройдет в день рождения принца Филиппа. Королева желает подарить ему концерт: Лондонский филармонический оркестр сыграет в Уимблдонском театре, к которому принц очень привязан по неизвестным мне причинам, и королева будет счаст... то есть почтет за честь, если вы согласитесь дирижировать концертом и исполнить отрывки из ваших произведений.

- Я давно не дирижирую.

Его собеседник улыбается:

- Уверен, вы не забыли, как это делается.

Фред Баллинджер задумывается с серьезным видом.

- Нет, я не забыл, как это делается.

Королевский посланник вновь расплывается в радушной улыбке.

– Принц Филипп и королева придут в восторг, когда услышат ваши знаменитые “Приятные песенки”.

Бесстрастно, почти обреченно Фред заявляет:

- Я не исполню ни одну из “Приятных песенок”.

- Почему?

- По личным причинам.

- Мы можем пригласить спеть партию сопрано великую Чо Суми.

- Чо Суми не годится.

- Скажите сами, кто из сопрано годится, и мы ее пригласим.

- Никто не годится.

Похоже, решение окончательное. Фред Баллинджер вновь погружается в чтение газеты. Все комплименты оказались бесполезны. Королевский посланник печально опускает голову.

Тишина. Слышен лишь слабый шум. Фред ритмично потирает пальцами конфетную обертку. Короткие, меняющиеся интервалы складываются в музыкальный ритм.

Королевский посланник берет сигарету, подносит зажигалку, но вспоминает о запрете на курение.

– Позвольте, маэстро, но королева может обидеться, она не привыкла к отказам, – бормочет он, предпринимая последнюю, слабую попытку.

Фред Баллинджер, не отрываясь от газеты, внезапно перестает шуршать конфетной оберткой.

- Ей придется смириться. Есть вещи поважнее моих “Приятных песенок”.

Королевский посланник встает с безутешным видом:

- Я передам содержание нашего разговора. До свидания, маэстро!

Он собирается уходить. Помощники следуют за ним. Когда они поднимаются, мы видим столик у них за спиной: за ним сидит мужчина, очевидно, слышавший всю беседу.

Это Джимми Три, ему тридцать четыре года. Калифорниец, невероятный красавец, звезда Голливуда. Ранним утром он ест бифштекс с жареным картофелем. У него утомленный вид, на голове бейсболка, которая ему не идет, отросшая за несколько дней щетина, солнечные очки, обыкновенная, помятая одежда.

Трое англичан огибают бассейн, направляясь к выходу, как вдруг нечто удивительное привлекает внимание королевского посланника.

Это нечто – мужчина, покачивающийся в воде. Видно только его лицо. Одутловатая, типично южноамериканская физиономия, волосы покрашены в невероятный желтый цвет, мясистый рот, лет пятьдесят, страдальческое выражение, умные темные глаза, глубокие морщины, какие редко увидишь у человека среднего возраста. Он смотрит в пустоту.

Королевский посланник пристально разглядывает его, потом тихо спрашивает у помощника:

– Ты видел? Это он?

Помощники обращают взгляд к бассейну и сразу же узнают мужчину. Они заметно взволнованы.

– Конечно, он.

– Господи, точно он!

Троица шагает дальше, тайком поглядывая на латиноамериканца в бассейне, который теперь при помощи женщины лет сорока и трех спасателей, на которых он повис, словно мешок, поднимается из воды по удобной лестнице – в одиночку ему ее не преодолеть.

Мужчина медленно выбирается из бассейна, теперь видно, что он невероятно толстый и ему бесконечно трудно двигаться. Задышавшись, тучный и харизматичный персонаж усаживается у бортика бассейна. Его руки покрыты татуировкой с портретами знаменитых героев знаменитых революций.

Спасатели удаляются. Женщина лет сорока с добрым и терпеливым лицом – вероятно, спутница толстяка. Она присаживается рядом с ним. Вытирает ему полотенцем волосы. Нежно заботится об этом гигантском ките.

Глава 2

Венеция, ночь

Неожиданные и неровные, приглушенные и тихие, словно доносящиеся из самой глубины моря и сознания, раздаются прерывистые звуки гитары.

То, что предстает сейчас перед нашими глазами, похоже на видение.

Чудесное видение: пустынная площадь Святого Марка залита водой. Бескрайняя площадь, с неповторимыми портиками и дворцами и с омывающим колонны прямоугольным озером.

Через площадь проложены высокие и узкие пешеходные мостки. На площади никого.

Некоторое время спустя в этом самом загадочном на свете городе, вдали, на узеньких мостках, из ночной темноты появляется Фред Баллинджер.

Он идет короткими шажками, с трудом, неуверенной стариковской походкой.

Фред поднимает взгляд и замечает на противоположном конце мостков величественную женскую фигуру. Они движутся друг другу навстречу – единственные люди в сказочной, затопленной Венеции. Они уже совсем близко, скоро они встретятся, Фред с плохо скрываемым удивлением пристально смотрит на женщину: ростом она метр восемьдесят пять. Писаная красавица, черноволосая, зеленоглазая – кажется, женщина ненастоящая. На ней цельный купальник, через плечо лента с надписью “Мисс Вселенная”.

Она идет по мосткам неестественной походкой, как ходят топ-модели во время важных показов. Совсем скоро они встретятся. Мостки узкие, не шире метра, поэтому, чтобы пройти и не оказаться в воде, обоим придется повернуться боком. При этом они неизбежно дотрагиваются друг до друга. Пышный бюст Мисс Вселенной слегка касается тощей груди Фреда Баллинджера.

Он смотрит на нее снизу вверх, как смотрят на нечто прекрасное и недостижимое.

Она (холодная, как и все мисс) смотрит в пустоту и не обращает внимания на двусмысленное, мимолетное соприкосновение своего совершенного тела с телом Фреда.

Опасность свалиться в воду остается позади, Фред и Мисс Вселенная идут дальше, каждый в свою сторону. Мисс, которую мы видим со спины, удаляется, покачивая бедрами, в лунном свете, окруженная массой воды, как сомнительная мечта Дольче и Габбаны.

Фред тоже шагает вперед по мосткам, его охватывает вполне понятный страх: вода продолжает неумолимо подниматься. Она покрывает мостки, ступни Фреда, его икры, колени.

Фред пытается ускорить шаг, но он стар, а вода сопротивляется. Он оборачивается и еле слышно выкрикивает имя, словно прося Мисс Вселенную о помощи:

– Мелани! Мелани!

Но Мисс Вселенной больше нет, она словно испарилась.

Фред проходит еще немного вперед, вода поднимается ему до груди, до шеи, до подбородка, он в панике, он еле слышно кричит, как вдруг, к счастью...

Глава 3

Он просыпается. Сразу приходит в себя.

С трудом встает из кресла. Вокруг никого. Уже поздно. Чуть поодаль компания полуночников – постояльцев отеля. Теперь тихие аккорды гитары звучат отчетливо и реально. И беспрерывно.

Фред идет короткими шажками, подводные фонари бассейна освещают его неясным светом.

Он идет по пустынной лужайке, на звуки гитары накладывается пение, доносящееся со стороны компании.

Звучит *Onward*. Великолепный, сдержанный, настоящий американский фолк. Фред инстинктивно идет на музыку. Приближается к полуночникам, среди которых Марк Козелек. Он играет на гитаре и поет. Рядом с ним три женщины, паренек лет двадцати и Джимми Три. Устроившись удобно, расслабившись, они наслаждаются балладой великого американского фолк-исполнителя.

Фред Баллинджер останавливается неподалеку, чтобы послушать прекрасную песню. Марк Козелек замечает его и не может скрыть волнения из-за присутствия столь выдающегося слушателя. Он почтительно кивает Фреду и во время гитарного проигрыша здоровается:

– Маэстро!

Фред улыбается.

Джимми Три, растянувшийся на траве с закрытыми глазами, открывает их и замечает Фреда. Они обмениваются приветствиями, Джимми по-дружески приглашает Фреда подойти поближе – все это молча, жестами.

Фред подходит, присаживается на край лежака, стоящего рядом с Джимми. Тот протягивает ему чашку:

– Я тайком подлил джина в чай. Не хотите, мистер Баллинджер?

– Нет, спасибо. Мне бы джину, в который подлили травяного чая.

Оба улыбаются.

Фред достает носовой платок, быстро высмаркивается, ловко складывает платок и привычным жестом, который он повторял миллионы раз, четырежды вытирает нос и убирает платок в карман пиджака.

Джимми Три с величайшим вниманием, замаскированным неотразимой улыбкой, наблюдает за манипуляциями Фреда с платком.

– Сегодня я размышлял о том, что у нас с вами похожие трудности, – говорит он.

– Ну-ка, ну-ка.

– Из-за того, что мы однажды поддались искушению легкости, нас всю жизнь принимают за кого-то другого.

– Может быть. Но сопротивляться искушению легкости невозможно.

– Я работал с самыми великими европейскими и американскими режиссерами, а зрители будут помнить меня как мистера Кью – тупого железного робота. Между прочим, во время съемок я таскал на себе девяносто килограммов железа, моего лица даже не было видно. Каждые полчаса кто-нибудь обязательно напоминает мне о том, что я сыграл мистера Кью, как вам напоминают о “Приятных песенках”. При этом они забывают, что вы сочинили “Черную призму”, “Жизнь Адриана” и все остальное.

Фред Баллинджер улыбается. Джимми тоже улыбается. Как заговорщики.

– Дело в том, что легкость – своего рода извращение, – говорит Фред. – Какими судьбами вы оказались в Европе?

– Через месяц у меня начинаются съемки в Германии. Готовлюсь к роли.

- К легкой?
- Как посмотреть.
- Получается?
- Поживем – увидим.

Марк Козелек допевает *Onward*. Приятели вяло хлопают. Фред к ним не присоединяется. С трудом поднявшись, он прощается с Джимми:

- Для меня уже поздно.
- А для меня нет.

Фред улыбается. Джимми шутливо отдает ему честь по-военному, приложив пальцы к виску.

Фред уходит неуверенной стариковской походкой. Джимми попивает чай, глядя на медленно удаляющегося Фреда.

Глава 4

В вестибюле отеля, напротив стойки администрации, Фред Баллинджер стоит неподвижно и ждет лифта.

Молоденький ночной портье зачарованно глядит в экран маленького телевизора с выключенным звуком.

В двери отеля звонит миниатюрная, полная достоинства женщина. Ей шестьдесят, выглядит она немолодо. Не отрывая взгляда от экрана, портье привычным жестом нажимает на кнопку, дверь открывается. Женщина заходит и усаживается на банкетку. С грустным и безнадёжным видом смотрит в пустоту.

Фред Баллинджер невозмутимо наблюдает за происходящим. Наконец приезжает лифт. Старинный, с решетчатыми стенами. Фред заходит. Поднимается.

Он приезжает на этаж. Сталкивается с девушкой лет двадцати – пухленькой, далеко не красавицей. Она ждет лифта, чтобы спуститься вниз. Лицо девушки усыпано прыщиками, которые никак не вяжутся с ее вызывающим и агрессивным внешним видом. Можно предположить, что это эскорт-модель, но не вполне обычная.

Фред забывает взглянуть на нее, она тоже не обращает на него никакого внимания.

Баллинджер медленно, короткими шажками, одиноко идет вперед. Рядом с дверьми красуются трекинговые ботинки, которые постояльцы выставили проветриться.

В ночной тишине Фреда обгоняет пожилой мужчина на электрической инвалидной коляске. Мужчина исчезает за поворотом коридора.

Фреда останавливают звуки, доносящиеся из какого-то номера: кто-то упражняется в игре на скрипке. Фред поворачивается, пытаясь понять, откуда доносится звук. Скрипач все время начинает сначала, звучат только две ноты, которые никак не выходят, – так и есть, это упражнение, причем весьма утомительное.

Фред делает шаг по направлению к источнику звука, но скрипач уже закончил.

Фред собирается двинуться дальше, как вдруг видит свое отражение в зеркале. Без эмоций, просто констатируя факт, он проводит пальцем по новому темному пятну у виска.

Глава 5

Далекие звуки скрипки складываются в тихую, немного печальную мелодию.

Мы в номере, где царит беспорядок: повсюду бумаги, заметки, ноутбуки, которые забыли выключить.

Пятеро ребят (четверо парней и одна девушка), все не старше тридцати, спят в креслах и на кровати, свернувшись калачиком. Спят сном праведников.

Посредине комнаты стоят Фред Баллинджер и другой пожилой мужчина, тоже лет восьмидесяти, еще красивый: чуть длинноватые волосы, светлые, сияющие глаза – всеядные, полные жизни. Его зовут Мик Бойл.

Старики молча глядят на спящих ребят. Через некоторое время скрипка замолкает.

– Ты сегодня мочился? – спрашивает Фред.

– Два раза. Полторы капли. А ты?

– То же самое. Более или менее.

– Более или менее?

– Менее.

– Смотри, какие они красивые! – говорит Мик.

– Да, красивые.

– Знал бы ты, до чего они трогательные, когда пишут сценарий. Так увлечены своим делом.

– Это ты их заразил.

– А ты больше не увлечен?

Фред пожимает плечами.

Мик привычным жестом приглаживает правой рукой волосы на лбу, потом переводит разговор на другое:

– Видишь этих двоих?

Он показывает Фреду на девушку и одного из парней, спящих в противоположных углах комнаты.

– Конечно, вижу.

– Они начинают влюбляться друг в друга, хотя сами об этом не догадываются.

Приятель не видит, как девушка, не открывая глаз, улыбается. Она не спит.

– Откуда ты знаешь?

Мик Бойл задумывается:

– Я о любви знаю все.

– Тогда рано или поздно тебе придется прочесть мне лекцию.

– Тебе уже поздно. Слышал новость? Сюда едет Джойс Оуэнс, то бишь Мисс Вселенная. Среди положенных ей наград – неделя в этом отеле.

– Да, мне говорили. По-моему, это не награда, а наказание.

– Так ей и надо. Иногда красоту надо наказывать, чтобы нам, простым людям, было легче жить.

– Как идет работа над сценарием?

– Это будет мой шедевр. И мое завещание. Бренда сыграет незабываемую роль. Сегодня мы придумали название: “Последний день жизни”. Ну как?

Фред задумывается, потом говорит:

– Здорово. Пойду спать.

Он уходит, а Мик в дальнем углу комнаты тормозит одного из сценаристов.

– Ребята, просыпайтесь! Вам пора возвращаться к себе в пансион.

Глава 6

Красивая сорокалетняя женщина безмятежно спит в постели Фреда.

Ее зовут Лена.

На комоде – фотография в рамке, снятая десять лет назад. На ней Фред обнимает свою ровесницу. На снимке оба счастливо улыбаются. Вероятно, это его жена.

Фред садится в кресло. Смотрит на спящую женщину, его глаза блестят.

Лена открывает глаза. Замечает Фреда. Удивляется. – Папа, ты не спишь?

Пытаясь скрыть слезы, Фред грустно улыбается: – Нет, смотрю на тебя.

Лена замечает, что отец плачет.

– Папа, ты что...

Он не дает ей договорить:

– Не волнуйся. Старики все время плачут. Безо всякой причины.

Раннее утро, иней. Окружающий отель просторный парк, красивые вековые деревья.

Появляются пухленькая эскорт-модель и миниатюрная шестидесятилетняя женщина, которую мы видели у стойки администрации. Вероятно, это ее мать.

Они идут, держась за руки, печальные, всеми забытые.

Смешным и неловким жестом девушка поправляет короткие шорты, которые режут ей ягодицы.

Мик Бойл сидит на скамейке и просматривает рабочие заметки. Он замечает появление женщин, поднимает глаза, его взгляд становится грустным, когда он видит, что мать и дочь держатся за руки.

Вдали, за высокими Альпами, постепенно светлеет, иней исчезает с листьев величественных деревьев.

Глава 7

Девушка лет восемнадцати, худощавая, с тонкими чертами лица, сама застенчивость, делает массаж Фреду, который лежит на животе на массажной кушетке. Лена стоит у окна и смотрит на сидящего вдали на лужайке азиата.

– Там, внизу, человек левитирует.

– Я езжу сюда много лет. Он никогда не левитировал. Ну что, куда вы отправляетесь? – спрашивает Фред.

– Джулиан, как обычно, все устроил с размахом. Две недели в Полинезии.

– Отлично.

– Теперь номер будет целиком твой. Наконец-то вздохнешь с облегчением, а то я вечно путаюсь под ногами, – говорит она с улыбкой.

– Да что ты! С тобой веселее. Мик работает, а я скучаю.

– Теперь тебе скучно не будет. Я заказала все по полной программе. С утра до вечера массажи, сауны, обследования, врачи. Быстро придешь в форму.

– В моем возрасте пытаться прийти в форму – пустая трата времени. Я только стану еще сильнее скучать.

– Ты никак не избавишься от апатии. Может, съездишь на денек в Венецию? Принесешь маме цветы.

Фред не отвечает.

Массажистка ведет себя так, будто ничего не слышит.

Лена продолжает:

– Кстати, мне каждый день пишут французы. Настаивают, чтобы ты написал мемуары. Что им ответить?

– Пусть себе настаивают.

Лена пристально смотрит на голого отца, которому делают массаж. Тело, на котором время оставило отпечаток. На ее лице читается нежность.

Лена грустно прощается.

– Пока, пап! Прилечу – позвоню.

– Отдохни как следует.

Лена берет чемодан на колесиках и выходит из комнаты.

– Повернитесь, пожалуйста, на спину! – просит массажистка. Голос у нее совсем как у девчонки, что делает ее еще более трогательной. Фред не без труда переворачивается на спину. Девушка начинает массировать ему руки.

Баллинджер лежит с закрытыми глазами, но внезапно приоткрывает один глаз, чтобы тайком поглядеть на лицо массажистки.

Начинается обычный день в огромном комплексе – одновременно отеле, спа, медицинском центре, месте для занятий спортом и физической реабилитации. Четкие ритмы, установленные расписания.

В коридорах на этажах звонят старинные колокольчики, предупреждая, что пора идти на процедуру, опаздывать нельзя.

Медсестры и массажистки в соответствующей униформе выходят из раздевалок и расходятся по рабочим местам. Врачи надевают халаты.

Постояльцы, в основном пожилые люди, в одинаковых гостиничных халатах выстраиваются стройными рядами и направляются на обследование, в бассейны, сауны, массажные кабинеты.

Тихая, безмолвная, смешная суэта пришедшего в движение мира.

В ресторане на фоне окон мы видим официантов, которые убирают со столиков. Тощий, как смерть, повар выходит из кухни на задний двор. Он с наслаждением затягивается, любуясь на изумительное голубое небо над горами Швейцарии.

Глава 8

В массажном кабинете звучит усыпляющая музыка нью-эйдж.

Темноту нарушают расставленные повсюду свечи. Фред лежит в огромной соломенной колыбели, словно восьмидесятилетний младенец Иисус.

Миниатюрный таиландец лет пятидесяти раскладывает у него на спине раскаленные черные камни. Всякий раз при соприкосновении камня с кожей Фред тихонько стонет от боли.

Массажист улыбается, потом говорит по-английски с заметным акцентом:

– Сначала больно, потом хорошо.

– А потом снова больно, – отвечается Фред.

Глава 9

Медсестра берет у Фреда кровь.

В комнату заходит врач лет шестидесяти. Располагающее добродушное лицо.

– Как идут наши дела, господин Баллинджер?

– Дела идут. Не знаю куда, но идут.

Врач улыбается и останавливается рассмотреть физиономию Фреда. Надевает очки и внимательно его разглядывает.

– Дочь говорит, у меня апатия. Это заметно?

Врач улыбается:

– Хотите, выведем пятна лазером?

– Нет, а зачем?

– Они выглядят неэстетично.

– Но напоминают об одной важной вещи.

– О какой?

– Что в моей жизни полно темных пятен.

Врач улыбается, Фред тоже улыбается. Медсестра заканчивает брать кровь.

Фред смотрит в окно, из которого видно горную вершину. Гора без единого пятнышка выделяется на фоне невероятно голубого неба. Сейчас Фред серьезен.

Глава 10

В номере у Мика молодые сценаристы яростно спорят. Мик, окруженный морем бумаг, слушает их, не вмешиваясь. В комнату входит Фред, никто не обращает на него внимания. Все слишком возбуждены и заняты перепалкой. Он стоит и слушает их с бесстрастным видом.

Все говорят одновременно, но двое кричат громче других, свирепо нападая друг на друга.

Разумеется, это юноша и девушка, о которых Мик говорил, что они постепенно влюбляются.

– Дура, насмотрелась кино и забыла о том, что такое жизнь!

– Кино и есть жизнь! Ты только критиковать умеешь. Хоть бы раз тебя посетило вдохновение!

Юноша смеется и аплодирует с саркастическим видом.

Застенчивый сценарист, сидящий рядом с Миком, тихо комментирует происходящее:

– Точно!

– Вдохновение? Разве тебя не учили в киношколе, что никакого вдохновения нет? Все это выдумки. Не бывает вдохновения, ты просто вынашиваешь замысел.

– Точно! – соглашается застенчивый сценарист.

– Нет, вдохновение бывает, – возражает сценаристка, – просто у тебя нет таланта, ты не знаешь, что это такое.

– Точно! – поддакивает застенчивый.

Мик замечает, что сидящий рядом с ним застенчивый сценарист все время твердит одно и то же, и строго ему указывает:

– Ты что? Признаешь правоту всех и каждого?

– Конечно! Я неуверенный в себе, пугливый человек. Родители никогда меня не поддерживали. Любимым развлечением брата было меня колотить. Сестра дразнила меня лузером. У меня никогда не было девушки, я и сам не очень понимаю, какой я ориентации.

Мику смешно:

– Прекрати! Тебе меня не разжалобить.

– У моей тети полиомиелит.

Мик хохочет.

– Никогда больше не смей говорить мне, что у меня нет таланта, дура! – кипит от злости, кричит первый сценарист.

– Тебе еще рано что-то вынашивать. Бездарь и паразит!

– Хватит, вы мне надоели, – прерывает их Мик. – Нам надо придумать финал, а вы тут зря время теряете, рассуждая о смысле жизни.

Фред вмешивается:

– Но ведь они правы. От смысла жизни зависит смысл мельчайших деталей.

Только теперь все замечают его присутствие.

– А, Фред, ты здесь. Слушай, я еще поработаю пару часов, потом зайду к врачу поболтать, а потом к тебе.

– Ладно.

С грустным и несколько разочарованным видом (на его слова так никто и не ответил) Фред выходит из комнаты. Мик обращается к сценаристам:

– Ну что? Кто придумал финал?

Слово берет юноша, до сих пор не вмешивавшийся в перепалку. У него длинная борода и растрепанные волосы. Типичный образованный, ироничный молодой человек. Он говорит мечтательно, словно описывая видение:

– Умирая, он еле слышно шепчет жене: “Не плачь, милая! Знаешь, плачущие женщины всегда казались мне легкомысленными и отталкивающими”.

Ссорившиеся юноша и девушка заговорщически глядят друг на друга и смеются.

Неуверенный в себе, пугливый сценарист несколько минут обдумывает предложение, а потом уверенно заявляет:

– Здорово!

Мик смотрит на него с отвращением, потом говорит:

– Хрень собачья. Есть еще предложения?

Глава 11

Постояльцы отеля кажутся заторможенными, как под анестезией. Оглушительная тишина. Нарушает ее медленное копошение новых русских, которые с утра пораньше укладываются на лежаки позагорать, и неподвижно замершая в бассейне семейка чернокожих американцев.

В одном из уголков, под навесом, массажист работает прямо на улице. Двое подростков, переживающих гормональную бурю, слоняются вокруг и тайком подглядывают за красивой дамой, безвольно лежащей на кушетке. Даме делают массаж.

Постояльцев мало, все богачи.

Высоко в небе, на фоне ясных, величественных Альп, видно парашютистов.

Пара глубоких стариков дремлет в инвалидных колясках с моторчиком. Ухаживающие за ними восточные сиделки незаметны и тихи, как мыши.

Пятидесятилетний сын выполняет гимнастические упражнения вместе с дряхлым отцом.

В глубине парка отделенный от внешнего мира живой изгородью тучный латиноамериканец, опираясь на трость, раздает автографы разномастной кучке людей, которые зачарованно на него пялятся. Рядом с мужчиной его спутница – как всегда, заботится о нем, устанавливает очередность среди поклонников. Кто-то тайком снимает его на сотовый. Женщина сердится, решительно запрещает фотографировать.

Фред Баллинджер, растянувшийся на лежаке в белом халате, сосет конфетку и со спокойным интересом наблюдает ритуал раздачи автографов. Пальцами свисающей с лежака правой руки Фред потирает конфетную обертку, создавая законченный ритм.

На соседнем лежаке – Джимми Три, он тоже внимательно следит за латиноамериканцем, но его главным образом интересует ореховая трость. Неровная, узловатая, под старину.

Джимми оглядывается. Его взгляд привлекает нечто новое: мать мажет тринадцатилетнюю дочь маслом для загара.

Бледная, почти прозрачная девочка смотрит под ноги, словно охваченная болезненной стыдливостью. Потом, безо всякого повода, она начинает нервничать и яростно грызть ногти. Видимо, мать велит ей прекратить, потому что девочка злится, что-то выкрикивает, встает и быстро уходит.

Джимми с потухшей сигаретой во рту, не отрываясь, как энтомолог, следит за этой сценой.

Опираясь на трость и на жену, латиноамериканец возвращается обратно в отель через парк. Они проходят мимо пустынного теннисного корта, нечто привлекает внимание латиноамериканца: на поле лежит кем-то забытый теннисный мяч.

Фред и Мик у аптечного прилавка.

Фред невозмутимо ждет, Мик, со съехавшими на кончик носа очками, внимательно следит за тем, чтобы аптекарь ничего не перепутал.

Мужчина в белом халате выкладывает перед Миком упаковки разных лекарств, получается целая гора.

– Это все.

– Отлично. – Мик поворачивается к Фреду и только сейчас понимает, что тот ничего не купил. Он спрашивает неуверенно: – Тебе ничего не надо?

Фред, изображая сомнение, оглядывается, его взгляд падает на первую попавшуюся полку. На ней выложены разные сорта пластырей.

Фред берет первую попавшуюся упаковку и кладет ее перед аптекарем.

Мик внимательно следит за его действиями.

– Зачем тебе пластырь?

– Незачем. Куплю из солидарности.

Мик опять смотрит на гору лекарств, потом говорит про себя, но словно обращаясь к Фреду, – губы сжаты, непонятно, серьезен он или шутит:

– Да пошел ты...

На лице Фреда Баллинджера появляется сардоническая усмешка.

Глава 12

Фред и Мик прогуливаются по чудесной долине, вдоль луга, который справа граничит с леском, а слева – с южнотирольской деревушкой.

Они болтают о том о сем.

– По-твоему, почему мы уже много лет приезжаем сюда отдыхать? – спрашивает Фред.

– Всегда хочется вернуться туда, где был счастлив. Фред улыбается:

– Так мог ответить только киносценарист.

– Куда мне! Это слова Джона Чивера.

– Помнишь Джильду?

– “Джильду”? Фильм, что ли?

– Нет, Джильду Блек. Мы оба были в нее влюблены. – Джильду Блек?

– Джильду Блек.

Мик смеется:

– Нашел что вспоминать! С тех пор сто лет прошло.

– А мне кажется, что все было вчера. Я бы отдал двадцать лет жизни за то, чтобы с ней переспать.

– И сделал бы большую глупость. Джильда Блек не стоила двадцати лет жизни. Даже одного дня не стоила.

Внезапно Фред выглядит расстроенным и настороженным:

– А ты откуда знаешь? Ты с ней спал?

Мик, понимая, что сел в лужу, бормочет:

– Что? Что ты сказал?

– Ты прекрасно понял. Шестьдесят лет назад ты поклялся мне, что не спал с ней, потому что знал, что я ее люблю. А теперь говоришь совсем другое.

– Слушай, я должен тебе кое в чем признаться.

– Давай, валяй!

– Настоящая трагедия – поверь мне, это трагедия – в том, что я не помню, спал я с Джильдой Блек или нет.

– Ты серьезно?

– К сожалению, да. Клянусь!

– Ну, это все меняет.

– В каком смысле?

– Будь ты уверен в том, что переспал с ней, нашей дружбе конец. А так... скажем так, я готов жить с сомнением.

– В любом случае, если я переспал с ней и не помню об этом, значит, она не стоила двадцати лет жизни. Тебе так не кажется?

– Да, ты прав. Джильда Блек – для нас с тобой закрытая глава.

– Отлично. Ребята уже уехали?

– Твой сын решил пустить пыль в глаза: Полинезия!

– Знаю, у него деньги долго не задерживаются. Интересно, в кого он пошел?

– Точно не в тебя.

Мик смеется. Тишина. Внезапно Фреда охватывает беспокойство. Он вздыхает.

Мик замечает это:

– Ты что? До сих пор думаешь о Джильде Блек?

– Нет. Я думаю о том, что со временем человек все забывает. Я уже не помню своих родителей. Как они выглядели, как разговаривали. Прошлой ночью я смотрел на спящую Лену и думал обо всем, что я сделал для нее как отец. О множестве мелких, малозначительных

поступков. Сделал, потому что хотел, чтобы она помнила о них, когда вырастет. Но пройдет время, и она обо всем забудет.

Мик глядит на него и не знает, что ответить. Трогательная сцена.

Фред тоже поднимает глаза на Мика и с некоторой горячностью, для него нехарактерной, хватая друга за плечо и шепчет изменившимся голосом:

– Огромные усилия, Мик. Огромные усилия и такие скромные результаты. Вот так всегда.

Мик удивлен, ошарашен.

– Беседа принимает интересный оборот. Мне нужно покурить, а я оставил сигареты в отеле. Подожди меня здесь, я схожу куплю новые.

Фред кивает с печальным видом, словно потерпевший поражение.

Мик удаляется по направлению к деревушке. Внезапно в тишине раздается громкий стрекот цикады. Фред поворачивается к источнику звука и, словно в трансе, идет на него.

Он оказывается среди деревьев, здесь его окружают сотни цикад. Какая-то птица начинает глухо, странно щебетать, заглушая цикад. Фреда привлекает этот новый звук. Он забывает о цикадах и идет искать птицу. Он разглядывает верхушки деревьев, чтобы увидеть невидимого певца. Так постепенно он добирается до края рощи. К симфонии прибавляется новый звук: колокольчики на шеях у коров.

Фред выходит из рощи, перед его глазами предстает огромный пологий холм, залитый солнцем. На лугах пасется полсотни коров, позванивающих полусотней колокольчиков. От этого зрелища глаза Фреда загораются. Не отрывая взгляда от коров, он присаживается на камень.

Он прислушивается к звукам, накладывающимся друг на друга в произвольном порядке: коровы, цикады, птица.

Фред сосредотачивается и закрывает глаза. Он начинает мягко водить рукой, как дирижер, и, словно по волшебству, часть колокольчиков умолкает. Другие продолжают звучать, но не беспорядочно, а повинувшись мелодии. Следующим движением руки Фред останавливает почти все колокольчики, остаются только два, чередуются две ноты.

Широкий взмах руки, словно обращенный назад, – и к колокольчикам присоединяется лесная птица. Потом обеими руками Фред велит вступать хору: сотни цикад сопровождают главную тему птицы и побочную тему коровьих колокольчиков. Симфония природы.

Не открывая глаз, Фред улыбается. Впервые мы видим его счастливым.

У себя в голове, выбирая из доступных звуков, он творит чудеса. Он сочиняет музыку.

Мик возвращается туда, где они расстались, на луг. Оглядывается – никаких следов Фреда. Закуривает. В это время его взгляд падает на что-то движущееся за далекой оградой. Это белая лошадь.

Тогда Мик делает единственное, что он умеет делать: раскрывает ладони, как делают кинорежиссеры, и пальцами очерчивает кадр. Он зажмуривает один глаз и сложенными квадратом пальцами снимает панораму с прекрасным бегущим скакуном.

Глава 13

Пешеходный мостик, располагающийся позади отеля, соединяет здание с горой. Здесь проводят свободное время десяток официантов, повара и медсестры. Все стоят и курят. Болтают, шутят, для них это минута отдыха.

Одна девушка держится в стороне. Она тоже курит, но ни с кем не разговаривает. Выглядит она печальной. Опираясь на перила мостика, она задумчиво глядит вниз. Это массажистка, которую мы видели в номере у Фреда.

Фред стоит в коридоре отеля, у окна. Он смотрит на одинокую девушку, которая курит и смотрит вниз, его лицо тоже печально.

Внимание Фреда привлекает повторяющаяся упрямая скрипка. Он отходит от окна, пытаясь понять, откуда же доносится звук.

Глава 14

Фред осторожно шагает по пустынному коридору. Скрипка звучит громче. Навстречу Фреду идет шестидесятилетний врач с добродушным лицом, которого сопровождают две медсестры. Фред и доктор здороваются.

Фред подходит к номеру с открытой дверью. Горничная заканчивает уборку, в глубине комнаты, у зеркала, перед раскрытыми нотами стоит мальчик двенадцати лет, непрерывно повторяющий две ноты.

Горничная с тележкой выходит из номера.

Фред невольно замирает в дверях. Он наблюдает за играющим мальчиком. Мальчик замечает его и поворачивается к Фреду.

Фред улыбается ему. Мальчик улыбается в ответ.

– Знаешь, кто сочинил эту пьесу? – спрашивает Фред Баллинджер, слегка волнуясь.

– Нет. А кто?

– Я.

– Не может быть. Как называется пьеса?

– “Приятная песенка номер три”.

Мальчик заглядывает в ноты:

– Верно. А как зовут композитора?

– Фред Баллинджер.

– А тебя как зовут?

– Фред Баллинджер. Можешь проверить у администрации. Я живу в этом отеле.

Мальчик удивлен:

– Невероятно!

– Да, невероятно.

– Учитель велел мне разучить эту пьесу, потому что она подходит для начинающих.

Он так говорит.

– Он правильно говорит. Пьеса простая.

– Она не только простая.

– Нет?

– Она еще очень красивая.

Фред с невозмутимым видом, сам того не желая, неожиданно тепло говорит:

– Да, она очень красивая. Я сочинил ее, когда еще был способен любить.

Кажется, ребенок не вполне понимает смысл последней фразы. Как ни в чем не бывало, он продолжает играть.

Фред слушает его, потом опять останавливает:

– Можно я кое-что сделаю, пока ты играешь? Мальчик неуверенно кивает:

– Ладно.

Он вновь начинает играть.

Фред робко заходит в комнату и приближается к мальчику.

Тот продолжает играть. Фред протягивает к нему руку и сдвигает локоть мальчика на три сантиметра. Поправляет положение смычка.

С облегчением Фред закрывает за собой дверь. – Ну вот.

Глава 15

Мрачную тишину сидящих на диете богачей нарушает позвякивание столовых приборов.

На ужине в отеле – русские, чернокожие, стайки старичков. Многие из присутствующих не отрывают глаз от знаменитого тучного латиноамериканца, молча ужинающего вместе с женой.

Сидящий за одним из столиков двадцатилетний паренек не выдерживает и тайком поднимает айфон, чтобы сфотографировать латиноамериканца. Тот его замечает. Кивком устало показывает жене на парня, та мгновенно все понимает. Она встает и направляется к стоящей у колонны ширме. Отгораживает ширмой мужа от остальных и сама исчезает за ней.

Джимми Три ужинает в одиночестве. Он чрезвычайно внимательно наблюдал за разыгравшейся сценой.

Среди ужинающих есть и мужчина лет пятидесяти – настоящий гигант с густой бородой, взлохмаченными волосами, в костюме альпиниста. Он выглядит как состарившийся хиппи. Мужчина ест бульон, засунув тканевую салфетку за ворот рубашки.

Тучный латиноамериканец закончил ужин, теперь он проходит через зал, опираясь на трость, его поддерживает спутница. Заметно, что ему очень трудно идти. Когда он проходит, все опять украдкой глядят на него. Однако внимание Джимми вновь сосредоточено на трости.

За другим столиком сидят Фред и Мик. Как замороженные, не отрывая глаз, они наблюдают за супружеской парой. Мужчине и женщине лет под шестьдесят, вид у них весьма достойный. По лицам понятно, что это немцы. Они одеты в тон друг другу, в коричневое и беж, и это явно не случайно. По глазам видно, что они скучают, смотрят в пустоту, между собой они вообще не разговаривают.

Фред и Мик беседуют, не выпуская из виду молчаливую пару.

– Куда ты сегодня запропастился? – спрашивает Мик.

– Слушал звуки природы и потерялся.

– Но ведь ты не терялся в музыке?

– “Музыка – это все, что мы слышим”. Штокхаузен. А ты чем занимался?

– Никак не мог найти тебя, пошел поболтать с другом-доктором. Вот увидишь, сегодня они заговорят.

Молчаливые супруги сидят совсем рядом, им все слышно.

– Ставлю тридцать франков, что они за ужин не обменяются ни словом, – говорит Фред.

– А я настолько уверен, что они заговорят, что ставлю пятьдесят.

– По рукам.

Супруги собираются встать, он вежливо отодвигает жене кресло. Она берет его под руку. Они уходят. Фред и Мик провожают их глазами до дверей. Супруги так и не раскрыли рта.

– Учитывая все, что ты проиграл мне за последние дни, получается двести пятьдесят франков. – Фред высмаркивается, четырежды вытирает нос платком, убирает платок в карман.

Мик Бойл приглаживает волосы рукой.

Джимми Три внимательно следит за их действиями.

Глава 16

На летней сцене парка оркестр играет свинг. Музыканты пытаются внести оживление, исполняя веселую музыку, но она вызывает только умиление. Старички в инвалидных креслах с моторчиком, сидящие за одним из столиков, с умным видом играют в карты.

Горстка энтузиастов неловко танцует под музыку. Русский с женой кружатся в танце. Они взмокли, словно участвуют в соревновании. Выполняя поддержку, он опускает ее почти до земли. Она смеется.

Джимми Три, зачем-то надевший солнечные очки, сидит в уголке и болтает с приятелями, среди которых фолк-исполнитель Марк Козелек.

– Ты когда пришел на ужин? – спрашивает Марк. – Совсем рано, – отвечает Джимми.

– Почему не позвонил? Я бы пошел с тобой.

– Нет, так лучше. Я за ужином не только ужинал. – А чем ты еще занимался?

– Я работал.

Мик и Фред, сидя за столиком, следят за невеселыми вечерними развлечениями.

Песенка заканчивается, оркестр начинает играть медленный танец. Появляются пары.

На танцплощадку выходят молчаливые немцы. Они танцуют уверенно, но не обмениваются ни словом, ни взглядом. Она без всякого выражения смотрит на Джимми Три. Тот замечает ее взгляд, сдвигает вниз солнечные очки и вежливо ей улыбается. Она в ответ не улыбается и вообще никак не реагирует. Суровый, ревнивый муж следит за сценой от начала до конца.

Печальный и одинокий хиппи-альпинист смотрит на танцующих, отхлебывая горячий травяной чай. Чай обжигает ему губу, альпинист издает короткий, громкий, никем не услышанный стон.

Мик и Фред быстро, с мрачным видом обмениваются репликами.

– А сегодня?

– Сегодня ни разу. А ты?

– Ни разу.

– Авось завтра пописаем.

С нечеловеческим усилием латиноамериканец, опираясь на трость, выходит в центр танцплощадки. Он улыбается и протягивает руку: приглашает спутницу потанцевать. Просияв, она бегом бежит к нему. Они танцуют десять секунд, все это время он пытается справиться с тучным телом и ногами, уставшими носить такую ношу. Потом останавливается: он страшно устал. Подруга заботливо глядит на него. По ее знаку двое официантов приносят в центр танцплощадки стул. Мужчина падает на него с таким видом, словно только сейчас к нему вернулась способность дышать.

Все внимательно следят за сценой.

Среди зрителей Фред и Мик. Фред ритуальным жестом высмаркивается. Мик говорит о латиноамериканце:

– Этот человек – последняя на Земле настоящая легенда. Как в Древней Греции. Будь на его месте другой, после этой сцены того бы осмеяли. А его нет. Никто не засмеялся. Знаешь почему?

– Нет, почему?

– Потому что в легенде нет места смешному.

Глава 17

Фред идет по коридору отеля. Он возвращается к себе в номер. Его обгоняет старичок в коляске с моторчиком. Старичок доезжает до пересечения с другим коридором и налетает на выскочившую справа другую инвалидную коляску. Происходит настоящая маленькая авария. Инвалиды принимают спорить о том, кому положено уступать дорогу и кто неосторожно водит.

Фред бесстрастно наблюдает эту сцену, вставляя ключ в замочную скважину, затем исчезает за дверью своего номера.

Глава 18

Фред у себя. Он раздевается. Снимает рубашку, в это мгновение его внимание привлекает доносящийся из ванной неясный глухой стон. Он подходит, открывает дверь и видит, что на краю ванны сидит, заливаясь слезами и стеная, его дочь Лена. Фред удивлен, он не находит, что сказать.

– Что ты здесь делаешь?

Лена рыдает и ничего не отвечает.

– Разве ты не должна сейчас лететь в Полинезию?

Рыдания усиливаются.

– А где Джулиан?

Лена что-то отвечает, но кажется, что звук издает какое-то неведомое животное. Понять ничего нельзя. Она опять заливается слезами.

– Ну так что, отвечай!

Но она не отвечает. Не может. Ей надо выплакаться.

Глава 19

Мик Бойл лежит на постели одетый, вокруг него компьютеры и бумаги, он весело болтает по телефону, хотя уже ночь.

В комнате сидят, серьезные и напряженно ожидающие исхода разговора, его молодые сценаристы. – Отлично, Ник! Я рад, что второй вариант тебе понравился... Да, мы еще поработаем над финалом, мы тоже не вполне довольны. Я говорил с Брендой. Все в порядке. Да, конечно, ждет не дождется. Когда еще в ее-то годы предложат такую роль! Да, я знаю, она капризная, но со мной ведет себя спокойно. Она всегда говорила, что я лучше всех в мире умею обращаться с актрисами, что только я могу найти к ней подход. Если ты не против, в следующем месяце начнем подыскивать натуру для съемок. Прекрасно. Хорошо. Пока!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.